

MISCELLANEA

Научная статья

УДК 39

doi: 10.17223/2312461X/37/7

МУСУЛЬМАНСКОЕ ПРОСТРАНСТВО МОСКОВСКОГО РЕГИОНА И МИГРАЦИЯ: ФРАГМЕНТАЦИЯ, ДИВЕРСИФИКАЦИЯ, ИНТЕГРАЦИЯ

Дмитрий Анатольевич Опарин

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, dimaoparin@hotmail.com*

Аннотация. Мусульманское пространство городов России в последние два десятилетия определяется в первую очередь миграционными процессами. Значительную часть активных и соблюдающих мусульман в двух столицах, крупных городах Центральной России и Сибири составляют выходцы из стран Центральной Азии. Исследование посвящено роли миграции в формировании локальных мусульманских пространств Москвы, а также динамике положения мигрантов из Центральной Азии в мечетях и молельных домах города. Все большее количество выходцев, в первую очередь из Таджикистана и Кыргызстана, занимают ключевые позиции в местных мусульманских общинах. Религиозные авторитеты-мигранты не просто встраиваются в мусульманские институты столичного региона, но формируют местные мусульманские пространства, создают свои организации, выстраивают свои иерархии и определяют религиозную повседневность прихожан. Рассматривается религиозная самореализация центральноазиатских мусульманских авторитетов в московских мечетях и молельных домах как интеграционный процесс, который ведет к диверсификации столичного мусульманского пространства.

Ключевые слова: ислам в России, миграция из Центральной Азии, интеграция, этническое разнообразие, религиозный авторитет

Благодарности: статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075-15-2022-325).

Для цитирования: Опарин Д.А. Мусульманское пространство московского региона и миграция: фрагментация, диверсификация, интеграция // Сибирские исторические исследования. 2022. № 3. С. 111–126. doi: 10.17223/2312461X/37/7

Original article

doi: 10.17223/2312461X/37/7

Muslim Space of the Moscow Region and Migration: Fragmentation, Diversification, Integration

Dmitriy A. Oparin

*National Research University "Higher School of Economics",
Moscow, Russian Federation, dimaoparin@hotmail.com*

Abstract. The Muslim space of Russian cities in the last two decades is determined primarily by migration processes. A significant part of the active and observant Muslims in the two capitals, large cities of Central Russia and Siberia are people from the countries of Central Asia. The study is devoted to the role of migration in the formation of local Muslim spaces in Moscow, as well as the dynamics of the position of migrants from Central Asia in mosques and prayer houses of the city. An increasing number of immigrants, primarily from Tajikistan and Kyrgyzstan, occupy key positions in local Muslim communities. Migrant religious authorities do not just integrate into the Muslim institutions of the capital region, but form local Muslim spaces, create their own organizations, build their own hierarchies and determine the religious everyday life of parishioners. I consider the religious self-realization of the Central Asian Muslim authorities in Moscow mosques and prayer houses as an integration process that leads to the diversification of the capital's Muslim space.

Keywords: Islam in Russia, migration from Central Asia, integration, ethnic diversity, religious authority

Acknowledgements: The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-325).

For citation: Oparin, D.A. (2022) Muslim Space of the Moscow Region and Migration: Fragmentation, Diversification, Integration. *Sibirskie Istoricheskie Issledovaniia – Siberian Historical Research*. 3. pp. 111–126 doi: 10.17223/2312461X/37/7

Введение

Полевая работа проходила в 2021 г. в мечетях и молельных залах Московского региона. Я привожу также примеры из моих исследовательских поездок в Тверскую область, Иркутск, Томск, Ханты-Мансийский (Сургут, Ханты-Мансийск) и Ямало-Ненецкий (Салехард, Аксарка, Яр-Сале) автономные округа. Всего в Москве и Подмоскovie было взято более 20 интервью у имамов, глав религиозных организаций, преподавателей правил чтения Корана и основ ислама, «неофициальных» мулл, обычных прихожан. Моими собеседниками были как трудовые мигранты, которые приехали сюда недавно, так и выходцы из Центральной Азии, получившие российское гражданство, многие из которых живут в Москве и пригородах более десяти лет.

Интеграция мигрантов-мусульман в странах Западной Европы и Америки чаще всего рассматривается социологами, антропологами и политологами с точки зрения принимающего общества и оценивается в количественных показателях (Schinkel 2017). Под интеграцией многими исследователями понимается участие в социально-экономической жизни принимающей страны, владение местным языком, самоидентификация с новой страной и определенная приверженность либеральным принципам (Sözeri, Altinyelken, Volman 2022: 125). В данном случае высокий уровень религиозности расценивается скорее как препятствие к интеграции, чем ее катализатор (Maliepaard, Phalet 2012), основа для «самосегрегации».

Несмотря на доминирующий подход к интеграции как к адаптации к нормам и правилам принимающего секулярного общества, многие исследователи мусульманских практик в миграционном контексте рассматривают мечети или молельные дома как пространства интеграции мигрантов-мусульман. Согласно исследованию Парвин Ахтар среди пакистанских мусульманок в Великобритании, религиозные практики этих женщин одновременно связывали их с родиной и «навигировали» их в новой британской среде (Akhtar 2014: 236). Группа голландских исследователей расценивает религиозное образование в мечети как стратегию интеграции турецких детей и подростков в Нидерландах (Sözeri, Altinyelken, Volman 2022). Другие ученые, основываясь на полевой работе в Австралии и Германии (Peucker, Seyal 2017), приходят к выводу, что деятельность отдельных верующих в местных мусульманских организациях является отправной точкой для их гражданской и политической активности в странах приезда, а мечети и молельные дома дают возможность мигрантам-мусульманам включаться в локальные благотворительные проекты и проявлять гражданскую инициативу в рамках района или города.

В данном исследовании я попробую рассмотреть общественно-религиозную активность отдельных верующих мигрантов как одну из стратегий их интеграции в локальную мусульманскую среду (и шире – в городскую), а также как один из способов их самореализации, как «знающих» и «соблюдающих» мусульман в миграционном контексте. Таким образом, я предлагаю посмотреть на интеграцию не как на процесс включения в уже существующий (и предположительно, чуждый) контекст, а как на форму самореализации в «родной» для себя среде на новом месте и/или стратегию формирования этой среды. Тогда интеграция оказывается не формой соглашения или «подчинения» существующему порядку, а проявляется в религиозной агентности и ведет к проектированию нового религиозного пространства.

Исследование строится вокруг не просто обычных прихожан, а именно религиозных авторитетов – мулл, имамов, преподавателей, ко-

торые за деньги или бесплатно проводят обряды, консультируют своих единоверцев, учат основам ислама и правилам чтения Корана, поддерживают местную общину и формируют локальную мусульманскую среду (подробнее о религиозном авторитете см.: Oparin 2020, Опарин 2021). Являются ли их религиозные практики интеграционными? Что дает им их общественно-религиозная активность? И как мигранты из Центральной Азии становятся частью мусульманской элиты Московского региона? Для ответа на эти вопросы рассмотрим структуру и повседневность двух относительно новых религиозных общин в Москве – кыргызского религиозного образовательного центра и религиозной организации «Седьмое поколение», имеющей несколько молельных домов на окраине города.

Динамика численности мигрантов из стран Центральной Азии в России за 2019–2022 гг.

В доковидный 2019 г. на миграционный учет были поставлены 19 млн иностранных граждан (Варшавер и др. 2021: 61). В этот год число иностранных граждан, пребывающих на территории России, колебалось от 9,6 до 11,2 млн (Мкртчян, Флоринская 2021: 17). Из них более 5 млн указали в качестве цели въезда в Россию «работу» (Brunarska, Denisenko 2021: 171). Три центральноазиатские страны – Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан – занимают первые места по количеству трудовых мигрантов в России на 2019 г. 2 млн 107 тыс. граждан Узбекистана, 1 миллион 179 тысяч граждан Таджикистана и 453 тысячи граждан Кыргызстана въехали в 2019 г. в Россию работать (Brunarska, Denisenko 2021: 171). В данной статистике, конечно, не учитываются представители центральноазиатских народов, имеющих российское гражданство.

Пандемия оказала большое влияние на мобильность во всем мире, и в том числе на миграцию из стран Центральной Азии в Россию. На 1 апреля 2021 г. численность иностранных граждан в России составила всего 5,54 млн человек, а численность трудовых мигрантов, указавших цель при въезде в Россию – «работа по найму», на 1 мая 2021 г. составила 2,68 млн человек, три четверти из них – это граждане стран Центральной Азии (Мкртчян, Флоринская 2021: 18). В 2021 г. граждане Таджикистана и Узбекистана получили 93% патентов (Мкртчян, Флоринская 2021: 19). Граждане Кыргызстана не должны оплачивать патент, так как это государство входит в ЕАЭС. Важно отметить, что численность находящихся в России граждан Таджикистана и Узбекистана, скатилась к уровню 2009–2010 гг. Сейчас ситуация изменилась. На 1 мая 2022 г. на территории России находилось 5,99 млн иностранцев (на 1 мая 2021 г. – 5,66 млн), большинство из которых были трудовыми мигрантами или прибывшими с частными целями (все данные на

2022 г. см.: Флоринская 2022). Доля граждан стран СНГ среди всех находящихся иностранцев достигла максимальных значений за последние годы – 91% (в 2019 г. – 86%). На 1 мая 2022 г. в России находилось почти 680 тыс. граждан Кыргызстана, граждан Узбекистана насчитывалось в России 1,62 млн человек, граждан Таджикистана – почти 1,26 млн.

Мусульманское пространство Москвы

Понятие «мусульманское пространство» емкое и включает в себя как локации (мечети, молельные дома, религиозные центры, медресе), так и мусульманскую миграционную инфраструктуру, сложившуюся в данном регионе (мусульманские услуги, информационная сеть). В это понятие я включаю также и духовные практики мусульман, проживающих в Московском регионе, взаимоотношения между различными акторами мусульманского пространства, складывающиеся в религиозной сфере. К локальному мусульманскому пространству я отношу не только локации и практики, но и возможности: развитость локального мусульманского пространства проявляется в степени доступности для каждого верующего удовлетворения своих религиозных потребностей, проявления религиозного авторитета и трансляции религиозного знания.

В Москве открыты пять мечетей: Соборная мечеть в Выпolzовом переулке, Историческая мечеть на Большой Татарской, мечети, построенные в 1990-е гг. – на Поклонной горе и в Отрадном, также для верующих шиитов открыта мечеть на территории посольства Ирана. Помимо мечетей в Москве под эгидой Духовного управления мусульман Москвы работают около 20 молельных залов, располагающихся в офисных помещениях, на промышленных зонах и на первых этажах жилых домов. Все эти молельные залы открыты под юрисдикцией официально оформленных организаций, имамов туда назначает Духовное управление мусульман Москвы. Религиозных организаций еще больше, но не у каждой есть молельная комната, и они функционируют в первую очередь как мусульманские образовательные центры для детей и/или взрослых. В последние годы появляется все больше молельных залов. Последним открылся молельный зал в Люблино недалеко от рынка «Садовод» – весной 2021 г. Многие молельные залы, открывшиеся в Москве в 2000–2020-е гг., располагаются в юго-восточной части города, где идет интенсивное строительство недорогого жилья, открыто множество оптовых рынков и до сих пор функционируют отдельные промышленные предприятия.

Столица и область тесно связаны процессами маятниковой миграции (ежедневная мобильность населения в данном случае – преимущественно из Подмоскoвья в Москву утром и обратно вечером), образовательной миграции, трудовой миграции. Мусульманские пространства

Москвы и Подмосковья также тесно взаимосвязаны. Многие имамы ведут образовательную или административную деятельность в Москве, однако предводительствуют на пятничных намазах в подмосковных городах. Темпы роста населения Подмосковья значительно превосходят темпы роста населения Москвы. Мигранты живут в Подмосковье, но работают в Москве, так как в области снять жилье дешевле. Мусульмане, живущие на окраине столицы, часто ездят в ближайшие подмосковные мечети, которые доступнее и малочисленнее, чем центральные мечети города. Так было, например, на юго-восточной окраине города. Пока в Котельниках (район Москвы вблизи рынка «Садовод» с большой концентрацией мусульман, в первую очередь таджиков) не открыли молельный зал, местные мусульмане ездили в мечеть в ближайший город Люберцы. Председатель местной религиозной организации мусульман города Люберцы, имам-мухтасиб, заместитель председателя Духовного управления мусульман Московской области Али Хасанов рассказывал мне, что раньше на *джума-намаз* собиралось более 1 тыс. человек, тогда как после открытия молельного зала в Котельниках – 600–700 человек.

В Подмосковье своя религиозная организация есть в каждом городе. Всего мечетей в Московской области менее пяти, однако насчитывается более десяти больших молельных домов. Всего мусульманских религиозных организаций в Подмосковье около 80. Сложно указать точные цифры в связи с тем, что какие-то организации закрываются, другие открываются, иногда объединяются в одну или, напротив, распадаются на несколько. Не во всех религиозных организациях проводятся *джума-намазы*. Какие-то религиозные или культурные центры, как и в Москве, являются исключительно образовательными учреждениями. Хотя во многих нынешних образовательных учреждениях ранее проходили коллективные моления, запрещенные проверяющими органами.

В Москве, как и в области, действует не один муфтият. Наибольшее количество молельных залов в Москве относится к Духовному управлению мусульман Москвы. Такая же ситуация и в Подмосковье – наибольшее количество молельных залов в области относится к Духовному управлению мусульман Московской области. В Москве уже много лет действует молельный зал Духовного собрания мусульман России Альбира Крганова, который располагается в Крутицком подворье и не относится к ДУМ Москвы. Более года назад в столице появился третий муфтият под названием «Центральный муфтият». Муфтием Центрального муфтията стал Анар Рамазанов. Одно время он был преподавателем в Мемориальной мечети на Поклонной горе, затем имамом молельного зала в Чертаново под юрисдикцией ДУМ Москвы. Интересно, что учредителями этого нового московского муфтията стали община «Азия» (председатель – кыргызский проповедник Суйумбек Жусубалиев, который работа-

ет с кыргызскими мигрантами), культурно-просветительский центр «Исток» (председатель – Хасим Кабиров (татарин)) и шиитская община «Духовный путь» (председатель – Ясин Алиев (азербайджанец)). «Центральный муфтият» представляет собой небольшую организацию по численности приходов, не имеет мечетей, вынужден ограничиваться небольшими молельными комнатами, но его появление и успешная регистрация демонстрируют, что столичные власти готовы нарушить монопольное право Ильдара Аляутдинова (ДУМ Москвы) представлять многочисленных мусульман Москвы. Появление такого гетерогенного муфтията в столице, учрежденного людьми разных национальностей (двумя татарами, кыргызом и азербайджанцем-шиитом) говорит о диверсификации мусульманской элиты региона, о ее все более усиливающемся мигрантском характере.

Молельные залы располагаются в основном в арендуемых помещениях. Большая часть залов выживает за счет *садаки* (пожертвований верующих, приходящих на намаз) и спонсорских денег обеспеченных прихожан. Есть и такие залы, где берут по несколько сотен рублей в месяц с каждого прихожанина, и на намаз могут прийти только те, кто платит регулярно. Однако подобных залов стало меньше в последнее время в связи со скандалами, вызванными тем, что кого-то не пустили на джума-намаз.

В последние годы усиливается контроль за внутренней жизнью общин со стороны как ДУМ Москвы, так и правоохранительных органов и других проверяющих организаций. Именно поэтому многие религиозные центры, где проходили пятничные намазы, ограничили свои функции лишь образовательными. Введены и до сих пор вводятся новые критерии, влияющие на назначение того или иного человека имамом молельного зала или мечети. Пока желательно, чтобы у будущего имама был российский диплом одного из официально зарегистрированных российских мусульманских учебных заведений. Однако в скором времени, как я выяснил в ходе проведения экспертных интервью с представителями ДУМ Москвы, это требование станет обязательным. Если у будущего имама нет российского диплома, то он будет вынужден пройти переквалификацию в России. С каждым потенциальным имамом представители ДУМ Москвы проводят собеседование, проверяют знание Корана, арабского языка, предлагают провести пятничную молитву. Для всех имамов Москвы и Подмосковья регулярно проводятся курсы повышения квалификации.

При молельных залах и мечетях действуют так называемые воскресные (занятия проводятся могут и в субботу) или духовные школы как для взрослых, так и для детей. Чаще всего в Московском регионе преподавателями воскресных школ работают представители татарской национальности (как мужчины, так и женщины). Однако в последнее время преподавать начали и выходцы из стран Центральной Азии, в

основном мужчины. Так, например, в Люберцах для девочек и женщин преподает татарка, жена имама, а занятия с мальчиками и мужчинами ведет молодой таджик.

В мечетях и молельных домах появляются собственные религиозные лидеры, в большинстве своем из выходцев из Центральной Азии. Мусульманская жизнь не ограничивается религиозными локациями (мечетями, молельными домами, религиозными образовательными центрами). Множество центральноазиатских мулл проводят ритуалы в домах верующих, у себя дома, в машинах, собирают вокруг себя *джамааты* (объединение группы мусульман с целью совместного изучения ислама, совершения религиозных обрядов, взаимопомощи, регулярного общения между собой) и формируют современное московское мусульманское пространство.

Кыргызский религиозный центр

За последние три года под юрисдикцией ДУМ Москвы в городе были открыты три национальных религиозных центра – два кыргызских и один узбекский. Отличительными особенностями всех трех центров является, во-первых, моноэтничность прихожан и преподавателей, а во-вторых – преподавание на национальных языках. Вопрос о проведении моноэтничных джума-намазов для мигрантов на базе этих религиозных центров остается дискуссионным. Во-первых, ни один из центров не является мечетью, во-вторых, помещения не хватает, чтобы вместить по пятницам большое количество верующих. Во-вторых, учредители религиозных центров, несмотря на юрисдикцию ДУМ Москвы, опасаются проверок и, в результате, закрытия центра. К образовательному учреждению вопросов со стороны правоохранительных органов и соседей меньше. Важно отметить, что ни один из центров не появился бы без покровительства ДУМ Москвы. Гражданин России, татарин, являющийся частью российской мусульманской элиты (речь идет об Анаре Рамазанове, упоминавшемся выше), имеет намного больше возможностей зарегистрировать свой собственный муфтият и открыть несколько молельных залов, которые не закроют через пару месяцев. Пока не сложились условия, при которых мигрантам из Таджикистана или Кыргызстана, какую бы важную роль они ни играли в современном российском мусульманском пространстве, власти разрешили бы зарегистрировать свою независимую религиозную организацию. Именно поэтому те немногочисленные национальные религиозные организации, появившиеся в последние два года, находятся под эгидой ДУМ Москвы.

Кыргызский религиозный центр был открыт на юго-востоке Москвы в 2019 г. Обучение ведется в основном в выходные дни на кыргызском

языке. Взрослые кыргызы изучают основы ислама и учатся читать Коран на арабском языке. Значительную часть учеников составляют выходцы из кыргызских сел, живущие и работающие в Москве. Из беседы с имамом и главой кыргызского религиозного центра:

К нам приходят мигранты, которые не учились в университетах. В основном из сел. Из городов очень мало: может быть, 5 процентов. Поэтому они на разговорном уровне знают русский, но прям на научном – нет. Поэтому им приходится на киргизском объяснять.

Если в начале и середине 1990-х гг. татарский был основным языком в московских мечетях, то к концу 1990-х гг. в связи с различными процессами, в том числе уходом татароязычного старшего поколения и миграцией в Москву, его сменил русский. Сейчас же в русскоязычной среде мусульманского московского пространства начинают громче звучать кавказские и центральноазиатские языки. Диверсифицируется среда и появляется больше условий для трансляции религиозного знания на своем языке.

Всего в центре около 300 учеников, и более половины из них – женщины. Преподавание ведут два имама, получающие зарплату, а остальные учителя работают на волонтерских началах. Глава центра объясняет мотивацию волонтеров страхом растерять интеллектуальный религиозный багаж и желанием получить награду от Всевышнего. В Москве проживает большое количество религиозных кыргызов, соблюдающих мусульман из Кыргызстана, некоторые из них получили религиозное образование в различных медресе на родине и являются *хафизами* (знающими Коран наизусть). Например, зимой 2021 г. в Москве состоялась встреча кыргызских хафизов – выпускников бишкекского медресе. На ней присутствовали 17 знатоков Корана. Эти мигранты, обладающие значительным религиозным знанием, далеко не всегда имеют возможность его реализовать вдали от Родины. Так или иначе каждый соблюдающий традиции мусульманин транслирует свое религиозное знание – в рамках семьи, узкому кругу единомышленников. Открывшийся кыргызский религиозный центр дает возможность не только мигрантам получить знания об исламе, но и экспертам реализовать имеющееся у них знание. Несмотря на то что в центре не совершаются намазы, преподаватели практикуют здесь различные ритуалы. Помимо имянаречения и *никаха* (мусульманский обряд бракосочетания), местные религиозные авторитеты проводят индивидуальные коранические целительские сеансы (*рукья*) – читают Коран, чтобы человек поправился, избавился от тревоги, беспокойства. Таким образом, кыргызский центр не только дает знания, но и является пространством самореализации и иногда заработка (ритуалы проводятся за нефиксированную плату).

Кыргызы отличаются от остальных выходцев из Центральной Азии особой сплоченностью, диаспоральностью. Именно кыргызских организаций в Московском регионе больше, чем, например, таджикских и узбекских. В Москве и Подмоскovie работают кыргызские клиники (Kashnitsky, Demintseva 2018), есть много спортивных залов и боевых секций, кыргызские дискотеки проходят регулярно. Это связано в том числе с тем, что многие московские и подмосковные кыргызы являются гражданами России. И даже если они не граждане России, то все равно не должны ежемесячно платить за патент (документ, дающий иностранным гражданам из стран с безвизовым режимом въезда право трудоустройства на территории одного из регионов России). В каждом крупном российском городе есть кыргызская диаспоральная организация, которая курирует многие вопросы, связанные с повседневностью мигрантов, в том числе и религиозные. Граждане Узбекистана и Таджикистана не отличаются ни столь высоким процентом получивших российское гражданство, ни разветвленной сетью национальных и религиозных организаций.

Религиозная организация «Седьмое поколение»

За последние несколько лет мусульманская религиозная организация под юрисдикцией ДУМ Москвы «Седьмое поколение» открыла несколько молельных залов на юге Москвы: в районе Люблино, Нижегородском районе, Марьино и у станции метро «Рассказовка» (юг Москвы). Наметилась тенденция по разветвлению религиозных организаций и усложнению официального мусульманского пространства города. При необходимости по тому или иному вопросу имамы или администраторы отдельных молельных залов «Седьмого поколения» обращаются не в центральный аппарат ДУМ Москвы, а к председателю общины, который знаком с каждым имамом лично и вникает непосредственно в повседневную жизнь общины.

Религиозная организация «Седьмое поколение» получила свой первый молельный зал в аренду в 2014 г. на Басовской улице (Нижегородский район). Последним открылся молельный зал на границе Капотни и Люблино на улице Верхние поля – весной 2021 г. У организации есть свой Telegram-канал, мусульманский молодежный центр. Организация «Седьмое поколение» отличается открытостью, адаптивностью к потребностям прихожан (например, в молельном зале в Нижегородском районе имамы выделили целый день для женщин, в других залах проходят исключительно женские лекции), и определенной независимостью. Один из лидеров организации назвал отношения с муфтием не «натянутыми», а «растянутыми», т.е. взаимодействия с ДУМ Москвы практически нет. Организация самостоятельно выстраивает отношения

с местной администрацией, соседями, правоохранительными органами, своими средствами покрывает расходы на аренду помещений, формирует образовательную, общественную программы.

Молельный зал в Люблино располагается на втором этаже офисно-торгового здания. На первом этаже открыты магазины, в том числе лавка халяльных продуктов. На джума-намаз каждую пятницу приходит около 500 человек (всего во все залы организации на джума-намаз собирается до 3 000 верующих). Молельный зал в Люблино открыт каждый день с 12 до 21 часов, по вечерам местные хафизы ведут занятия для детей по основам ислама, *таджвиду* (правило чтения Корана) и даже по физической культуре. Большую часть прихожан во всех молельных залах «Седьмого поколения» составляют местные жители. По словам администратора молельного зала в Люблино, около 60% прихожан – таджики. Таджики также являются и местными *хафизами*, которые ежедневно преподают основы ислама и *таджвид* для местных детей. Например, один из преподавателей родился в Душанбе, в семь лет стал хафизом Корана и впоследствии обогащал свои знания. Преподаватель, который ежедневно ведет по вечерам занятия, получает более 30 тысяч рублей в месяц. Для таджикских хафизов это не только и не столько дополнительный заработок (все они имеют другую профессиональную занятость), сколько возможность применения своих знаний, сохранения их и формирования социального капитала. Значительную часть учеников составляют таджики, и поэтому хафизы нередко переходят на занятия на таджикский язык. Помимо преподавания Корана таджикские хафизы занимаются рукоя. Также одного из них приглашают предстоять на намазе и прочесть молитву, так как у него хороший таджвид и красивый голос. И если имам в молельном зале чаще всего появляется только по пятницам, то таджикские преподаватели находятся там по вечерам каждый день. В данном молельном зале таджикские хафизы формируют локальное мусульманское пространство, являются религиозными авторитетами, которые транслируют знание, удовлетворяют религиозные потребности общины. Помимо них среди прихожан выделяются так называем активисты. Они выполняют роль посредников между верующими, приходящими в молельный зал, и администрацией. Из разговора с администратором молельного зала:

– Мы только на себя еле набираем [арендная плата]. Пока окупается все и на Рассказовке, и на Басовской, и здесь у нас. А если не хватает, то мы наших активистов будоражим: давайте пройдите по своим, чтобы нам набрать, сколько не хватает. Они находят эту сумму.

– А кто ваши активисты?

– Таджики эти. Есть же среди них.

– Хафизы которые?

– Нет. Те, которые чаще приходят на намаз, которые как друзья уже. Они более активные, они спрашивают, что нужно, может, помочь чем-то нужно. К ним обращаемся – они нам помогают.

Заключение

В Московском регионе, так же как и в большинстве других миграционных «магнитах» России, выходцы из стран Центральной Азии составляют большинство в мечетях и молельных домах. Они не просто включаются в существующее мусульманское пространство, а создают его. До сих пор большая часть имамов Москвы и Подмосковья – татары, однако в последние годы, и это отмечают в самом ДУМ РФ, наметилась тенденция этнической диверсификации среди имамов России и Московского региона. Из мигрантов из Центральной Азии чаще всего имамами становятся таджики: «...поток внутрироссийской и международной миграции приводит к тому, что на сегодняшний день общины активно разбавляются, то есть не только уже татары – имамы. В основном это дагестанцы, таджики, еще кто-то» (из интервью с заместителем председателя Духовного управления мусульман Московской области Али Хасановым).

Под эгидой ДУМ Москвы открываются национальные религиозные образовательные центры (два кыргызских и один узбекский), к тому же в Духовном управлении рассматривают возможность приглашать центральноазиатских имамов для проведения лекций и проповедей на кыргызском, узбекском и таджикском языках в центральные мечети города.

Я занимаюсь исследованием мусульманских практик мигрантов из Центральной Азии с 2015 г. как в европейской части России, так и в Сибири и наблюдаю усиливающуюся тенденцию к этнической диверсификации мусульманской элиты России. Все больше и больше становится «официальных» имамов из Центральной Азии (например, молельный зал ДУМ на юге Москвы, Соборная мечеть в Москве, мечеть в подмосковном Подольске, мечети в Томске, Твери, молельный зал на окраине Иркутска).

В тех местах, где функции имама выполняют татары, мигранты все равно присутствуют среди приближенных к администрации и имаму религиозных лидеров. Они могут за деньги или бесплатно преподавать основы ислама и/или таджвид, замещать имама, предводительствовать на намазах, служить помощниками имама, посредниками между прихожанами и администрацией. *Помощники имамов* в молельных залах не просто замещают имама на намазах в его отсутствие, они становятся посредниками между имамом и центральноазиатскими прихожанами. К тому же эти помощники, сами являясь религиозными лидерами, вы-

полняют те ритуалы (например, изгнание джинов), которые имам не может провести по разным причинам.

Отдельную группу влиятельных в мусульманской среде экспертов составляют «неофициальные» муллы из Центральной Азии. Часто, в особенности в небольших молельных залах, имам с ними знаком лично. Социальный капитал мулл, заключающийся в уважении их единоверцами, – базис их религиозного авторитета, сформированного и реализованного в миграционной среде. Лояльные отношения с имамом также являются частью их плюралистичного социального капитала. Тиль Суньер определил религиозный авторитет как «непрекращающийся процесс проверки и производства религиозного знания» («ongoing process of the authentication and production of religious knowledge» (Sunier 2018: 56)). Я считаю, что помимо производства религиозного знания религиозный авторитет формируется и реализуется через трансляцию этого знания. И здесь ключевым моментом оказывается не то, какое знание воспроизводится, но кем оно воспроизводится и транслируется. Фраза «The medium is the message» работает и в данном контексте: локальные религиозные лидеры из Центральной Азии зачастую имеют больше шансов быть «услышанными» земляками, чем имам. Однако трансляция ими религиозного знания обеспечивается в том числе имамом, предоставляющим этим муллам независимость и религиозную агентность (возможности предводительствовать на намазах и иногда читать проповедь, преподавать, проводить ритуалы в мечети). Таким образом, религиозный авторитет центральноазиатских мулл состоит из и формируется за счет их знаний и религиозного опыта, а также чувства долга это знание транслировать и лояльности по отношению к имаму. Муллы обладают ритуальным и теологическим знанием (разным по своей глубине), которое они готовы и чувствуют необходимость транслировать своим единоверцам, в первую очередь, землякам. Трансляция знания в этой локальной миграционной среде оказывается возможной при условии их лояльности имаму и определенной (часто зыбкой) инкорпорации их в существующую религиозную инфраструктуру.

Центральноазиатские мигранты по-разному включаются в локальные мусульманские элиты. Кто-то институционализируется – становится имамом, открывает под юрисдикцией ДУМ религиозный центр, работает преподавателем или помощником имама и часто выполняет в мечети или молельном зале больше функций, чем сам имам. Другие же становятся местными религиозными авторитетами вне прямой зависимости от администрации мечети, имама или тем более ДУМ Москвы. Их религиозный авторитет основывается на социальном капитале и уважении со стороны верующих. Однако, какую бы позицию ни занимали центральноазиатские религиозные лидеры (официальную или неофициальную), они формируют локальное мусульманское простран-

ство, в той или иной степени определяют религиозную повседневность своих земляков. Фрагментация мусульманского пространства (появление все большего количества небольших и финансово самостоятельных религиозных организаций, де факто независимых от институциональных мусульманских иерархий России) способствует в том числе и его этнической диверсификации. Новые молельные залы, лишенные старых иерархий, чаще всего включают в состав своих лидеров знающих выходцев из Центральной Азии.

Повышение уровня агентности выходцев из Центральной Азии в российском мусульманском поле является интеграционным процессом. Через выполнение общественных обязательств, преподавание и проведение ритуалов они зарабатывают социальный капитал, уважение верующих. Социальный капитал в новом месте оказывается как раз одним из ключевых показателей интеграции. Также многие имеющие религиозное образование получают возможность самореализоваться в мусульманской миграционной среде. Степень интегрированности не может определяться лишь уровнем включенности в воображаемое принимающее общество. Высокая позиция в религиозной мусульманской среде также свидетельствует об успешной интеграции. Интеграция проявляется в том числе и в реализации своего опыта и навыков (в данном случае религиозных). Мигранты начинают получать все больше возможностей для формирования нового российского мусульманского пространства, менее иерархичного, более горизонтального и диверсифицированного.

Список источников

- Варшавер Е.А., Рочева А.Л., Иванова Н.С., Андреева А.С. Мигранты в российских городах: расселение, концентрация, интеграция. М.: Дело, 2021.
- Опарин Д.А. Долг и лояльность среднеазиатских мулл в миграции // Этнографическое обозрение. 2021. № 3. С. 149–167.
- Мкртчян Н.В., Флоринская Ю.Ф. Миграция: основные тренды января–февраля 2021 года // Мониторинг экономической ситуации в России. Тенденции и вызовы социально-экономического развития. 2021. № 10 (142).
- Флоринская Ю.Ф. Социология и статистика не показывают наличие негативных трендов в трудовой миграции // Мониторинг экономической ситуации в России. М.: Ин-т эконом. политики им. Гайдара, 2022. URL: <https://www.iep.ru/ru/monitoring/sotsiologiya-i-statistika-ne-pokazyvayut-nalichie-negativnykh-trendov-v-trudovoy-migratsii.html>
- Akhtar P. “We Were Muslims but We Didn’t Know Islam”: Migration, Pakistani Muslim Women and Changing Religious Practices in the UK // Women’s Studies International Forum. 2014. No. 47. P. 232–238.
- Brunarska Z., Denisenko M. Russia: A ‘Hidden’ Migration Transition and a Winding Road towards a Mature Immigration Country? // Central and Eastern European Migration Review. 2021. Vol. 10, No. 1. P. 171.

- Kashnitsky D., Demintseva E. 'Kyrgyz Clinics' in Moscow: Medical Centres for Central Asian Migrants // *Medical Anthropology: Cross Cultural Studies in Health and Illness*. 2018. Vol. 37, No. 5. P. 401–411.
- Maliepaard M., Phalet K. Social Integration and Religious Identity Expression Among Dutch Muslims: The Role of Minority and Majority Group Contact // *Social Psychology Quarterly*. 2012. No. 75 (2). P. 131–148.
- Peucker M., Ceylan R. Muslim community organizations – sites of active citizenship or self-segregation? // *Ethnic and Racial Studies*. 2017. No. 40 (14). P. 2405–2425.
- Oparin D. Spiritual Authority and Religious Introspection among Muslim Migrants in Western Siberia // *Problems of Post-Communism*. 2020. Vol. 67 (4–5). P. 362–374.
- Schinkel W. *Imagined Societies: A Critique of Immigrant Integration in Western Europe*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.
- Sözeri S., Altinyelken H.K., Volman M.L.L. The role of mosque education in the integration of Turkish–Dutch youth: perspectives of Muslim parents, imams, mosque teachers and key stakeholders // *Ethnic and Racial Studies*. 2022. No. 45(16). P. 122–143.
- Sunier Th. The making of Islamic authority in Europe // *Imams in Western Europe. Developments, Transformations, and Institutional Challenges*, ed. Mohammed Hashas, Jan Jaap de Ruiter, Niels Valdemar Vinding. Amsterdam: Amsterdam University Press, 2018. P. 51–68.

References

- Akhtar P. (2014) “We Were Muslims but We Didn’t Know Islam”: Migration, Pakistani Muslim Women and Changing Religious Practices in the UK, *Women’s Studies International Forum*, no. 47, pp. 232–238.
- Brunarska Z., Denisenko M. (2021) Russia: A ‘Hidden’ Migration Transition and a Winding Road towards a Mature Immigration Country? *Central and Eastern European Migration Review*, Vol. 10, no. 1, pp. 171.
- Florinskaya Yu.F. (2022) Sotsiologiya i statistika ne pokazyvayut nalichiy negativnykh trendov v trudovoy migratsii [Sociology and statistics do not show the presence of negative trends in labor migration], *Monitoring ekonomicheskoy situatsii v Rossii*, Institut ekonomicheskoy politiki imeni Gaydara. Available at: <https://www.iep.ru/ru/monitoring/sotsiologiya-i-statistika-ne-pokazyvayut-nalichie-negativnykh-trendov-v-trudovoy-migratsii.html>
- Kashnitsky D., Demintseva E. (2018) ‘Kyrgyz Clinics’ in Moscow: Medical Centres for Central Asian Migrants, *Medical Anthropology: Cross Cultural Studies in Health and Illness*, Vol. 37, no. 5, pp. 401–411.
- Maliepaard M., Phalet K. (2012) Social Integration and Religious Identity Expression Among Dutch Muslims: The Role of Minority and Majority Group Contact, *Social Psychology Quarterly*, Vol. 75(2), pp. 131–148.
- Mkrtchyan N.V., Florinskaya Yu.F. (2021) Migratsiya: osnovnyye trendy yanvary-fevralya 2021 goda [Migration: main trends in January-February 2021], *Monitoring ekonomicheskoy situatsii v Rossii. Tendentsii i vyzovy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya*, no. 10(142).
- Oparin D. (2020) Spiritual Authority and Religious Introspection among Muslim Migrants in Western Siberia, *Problems of Post-Communism*, Vol. 67(4-5), pp. 362–374.
- Oparin D.A. (2021) Dolg i loy'al'nost' sredneaziatskikh mull v migratsii [Duty and loyalty of the Central Asian mullahs in migration], *Etnograficheskoye obozreniye*, no. 3, pp. 149–167.
- Peucker M., Ceylan R. (2017) Muslim community organizations – sites of active citizenship or self-segregation?, *Ethnic and Racial Studies*, Vol. 40(14), pp. 2405–2425.
- Schinkel W. (2017) *Imagined Societies: A Critique of Immigrant Integration in Western Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.

- Sözeri S., Altinyelken H.K., Volman M.L.L. (2022) The role of mosque education in the integration of Turkish–Dutch youth: perspectives of Muslim parents, imams, mosque teachers and key stakeholders, *Ethnic and Racial Studies*, Vol. 45(16), pp. 122–143.
- Sunier Th. (2018) The making of Islamic authority in Europe. In: *Imams in Western Europe. Developments, Transformations, and Institutional Challenges*, ed. Mohammed Hashas, Jan Jaap de Ruyter, Niels Valdemar Vinding. Amsterdam: Amsterdam University Press, pp. 51–68.
- Varshaver Ye.A., Rocheva A.L., Ivanova N.S., Andreyeva A.S. (2021) *Migranty v rossiyskikh gorodakh: rasseleniye, kontsentratsiya, integratsiya* [Migrants in Russian cities: resettlement, concentration, integration]. Moscow: Izdatel'skiy dom “Delo”.

Сведения об авторе:

ОПАРИН Дмитрий Анатольевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия). E-mail: dimaoparin@hotmail.com.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

Dmitriy A. Oparin, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russian Federation). E-mail: dimaoparin@hotmail.com.

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12 марта 2022 г.;
принята к публикации 31 августа 2022 г.*

*The article was submitted 12.03.2022;
accepted for publication 31.08.2022.*